

УДК 811.133.1'255

*Л.В. Кушнина, Н.Г. Погорелая***ДИНАМИКА СУБЪЕКТНО-ОБЪЕКТНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ В ПЕРЕВОДЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

В основу статьи положены две модели анализа смысловой структуры текста: синергетическая модель перевода, обозначенная как концепция переводческого пространства, и экстралингвистическая модель научного текста, определяемая как эпистемическая ситуация. Сущность данного подхода состоит в том, что переводчик анализирует как объективные, текстоцентрические, так и субъективные, субъектоцентрические смыслы текста, формируемые в полях переводческого пространства. При этом субъектно-объектные взаимодействия характеризуют также эпистемическую ситуацию, т. е. онтологию, методологию, аксиологию текстов оригинала и перевода, которые включены в орбиту переводческого пространства. В результате динамики и синергии смыслов происходит порождение гармоничного текста перевода, что обуславливает взаимопонимание автора и реципиента, принадлежащих различным лингвокультурам.

Ключевые слова: переводческое пространство, эпистемическая ситуация, смысл, гармоничный перевод, субъектно-объектные отношения.

DOI: 10.35634/2412-9534-2019-29-5-767-772

Теоретическими предпосылками данного исследования являются две концептуальные модели. Во-первых, мы основываемся на модели эпистемической ситуации, разработанной учеными Пермской школы функциональной стилистики под руководством М.П. Котуровой [5]. Во-вторых, мы основываемся на авторской концепции переводческого пространства, представленной в виде синергетической модели перевода [7-9]. Такое совмещение общелингвистических и переводоведческих начал позволит нам расширить горизонт нашего понимания системного характера процесса перевода. В этой связи процитируем высказывание выдающегося философа российской науки В.В. Налимова: «...разумнее говорить не о познании Мира, а об углублении нашего взаимодействия с ним, сопровождающегося расширением нашего сознания» [11. С. 318].

Исследование познавательной деятельности переводчика перешло на новый уровень в результате признания антропоцентричности как ведущего принципа современной теории перевода. Следующим шагом стало обоснование идей когнитивизма в переводоведении. С позиций когнитивной лингвистики и когнитивного переводоведения, переводчик изучается как активная, созидаящая, мыслящая личность, ибо любая проблема – это, прежде всего, человеческая проблема, решение которой неизбежно сталкивается с изучением интеллекта, мышления, сознания, когнитивных способностей, духовных потребностей, эмоциональной сферы и пр.

В разработанной нами синергетической модели перевода функционируют и взаимодействуют два типа процессов, которые можно условно обозначить как текстоцентрические и антропоцентрические, или субъектноориентированные и объектноориентированные. Мы расцениваем переводческое пространство как абстрактную модель, возникающую в сознании переводчика, как результат осмысления им гетерогенных смыслов, в которые он погружается при изучении текста оригинала. В этой модели мы вычленим ядро, представленное содержанием текста и периферию. При этом лишь содержание порождает эксплицитный смысл, а смыслы периферийной зоны имплицитны, их должен расшифровать переводчик. К антропоцентрическим полям переводческого пространства мы относим поле автора, поле переводчика, поле реципиента, признавая, что смыслы каждого из них неидентичны, но подобны. К текстоцентрическим полям переводческого пространства мы относим энергетическое поле и фатическое поле. В каждом поле формируется свой смысл. Назовем их: модальный смысл поля автора, индивидуально-образный смысл поля переводчика, рефлексивный смысл поля реципиента, фактуальный смысл ядерной зоны, эмотивный смысл энергетического поля, культурологический смысл фатического поля [7].

Суть нашей трактовки переводческого пространства состоит в том, что смысл текста перевода не является простой суммой смыслов всех его полей. Он является результатом синергии этих смыслов. Как следует из положений синергетики, возникновение синергетического эффекта обусловлено прира-

щением новых смыслов, которые варьируют от одной культуры к другой. Это означает, что новый смысл естественным образом принимается новой культурой, именно культурная «восприимчивость» становится индикатором качественного перевода, который мы обозначили термином «гармоничный перевод». Это означает также, что гармоничных переводов может быть неисчислимо множество: каждый переводчик может создать гармоничный перевод, каждый реципиент *может* ожидать гармоничного перевода. Вхождение текста перевода в новую языковую и культурную среду – это новое качество существования текста оригинала, это продолжение существования текста оригинала. Разумеется, мы предполагаем, что не все переводы могут быть качественными, т. е. соразмерными и соотносимыми с текстом оригинала. В этих случаях имеет место дисгармония, или переводческая ошибка.

Подчеркнем, что идеи синергетики применительно к изучению языка неоднократно высказывались учеными. Как пишет Н.В. Дрожжих, «будучи сложной системой со своими элементами, структурой и функциями, язык вписывается в парадигму синергетики – особой разновидности системного подхода, предметом изучения которой являются процессы самоорганизации – спонтанного возникновения и развития структур из «хаоса» в открытых, нелинейных системах, способных постоянно обмениваться информацией с окружающей средой и усваивать внешние воздействия» [3. С. 7]. В своих работах мы опирались на синергетическую парадигму языка, что позволило нам выстроить синергетическую парадигму перевода.

Значимость переводческого пространства видится в том, что в результате осмысления его полей переводчик создает гармоничный текст, а сама гармония расценивается нами как «...аксиологическая доминанта, имманентная, глубинная основа перевода как сбалансированного, целостного и совершенного феномена» [7. С. 199].

Переходим к следующему теоретическому аспекту нашего исследования. Согласно функционально-стилистическому подходу к тексту, его смысловая структура может быть исследована с позиций эпистемической ситуации (ЭС). Данный термин введен в научный оборот М.П. Котуровой для обозначения универсальной экстралингвистической модели научного текста. В работах Е.А. Баженовой мы встречаем расширительное толкование данного термина [1; 2]. Понятие ЭС используется учеными для анализа научного текста. Мы считаем, что его значение и употребление гораздо шире, т. к. речь идет о смысловой структуре текста, поэтому основываемся на понятии ЭС при анализе текстов других жанров в их оригинальной и переводной формах существования и функционирования.

В основе понятия «эпистемическая ситуация» представители Пермской школы функциональной стилистики видят идею структурирования смыслов текста: «... под смысловой структурой понимается многоуровневая организация содержательной стороны целого текста, компонентами которой являются смыслы, формируемые комплексом экстралингвистических факторов» [4. С. 48]. Компонентами ЭС являются следующие: онтологический, методологический, аксиологический, коммуникативно-прагматический, рефлексивный.

Кратко поясним их суть. Онтологический компонент связан с предметным содержанием знания, что находит выражение в тексте в виде исходных, основных и уточняющих понятий. Методологический компонент раскрывает способы получения и обоснования знания. Аксиологический компонент отражает оценочную природу знания, включая как оценку предшествующего знания, так и оценку знания, полученного лично автором. Рефлексивный компонент характеризует личность исследователя, его когнитивные и творческие способности, его индивидуальную научную позицию и пр. Коммуникативно-прагматический компонент характеризует процесс преобразования экстралингвистической по своей природе научной деятельности в собственно лингвистическую текстовую деятельность, т.е. речь идет о текстопорождении и текстовосприятии.

В рамках нашего исследования особую значимость имеют следующие выводы М.П. Котуровой и Е.А. Баженовой: «Объектную сторону представляют онтологический и методологический компоненты эпистемической ситуации, субъектную – аксиологический, рефлексивный и коммуникативно-прагматический компоненты» [4. С. 52].

Таким образом, разработанное авторами понятие ЭС, которое отражает мыслительное содержание текста, представляется чрезвычайно плодотворным для анализа деятельности переводчика, который должен углубиться в мыслительное содержание текста, чтобы создать на его основе гармоничный текст перевода.

В рамках данной статьи нас интересуют субъектно-объектные взаимодействия, возникающие в процессе перевода.

Как показывают наблюдения, объективность в чистом виде обычно не является предметом специального рассмотрения. Но если мы обращаем взоры к субъективности перевода, мы непременно задумываемся об объективности. Ясно, что перевод объективен в силу того, что он воссоздает в другой культуре текст оригинала, который объективно существует в культуре оригинала как некая данность, не зависящая от субъектов.

Что касается субъективности перевода, в исследованиях отечественных и зарубежных специалистов прослеживаются две тенденции. Если в европейские ученые пишут о переводчике как субъекте деятельности, то российские ученые предпочитают писать о языковой личности переводчика. Наряду с этим упоминаются такие понятия как коммуникативная личность, речевая личность, элитарная языковая личность переводчика [6].

Как было отмечено выше, онтологический и методологический компоненты эпистемической ситуации характеризуют ее объектную сторону. В рамках переводческого пространства именно ядро формирует объективный, фактуальный смысл. Энергетическое и фатическое поля мы относим к текстовым полям.

Аксиологический, рефлексивный и коммуникативно-прагматический компоненты эпистемической ситуации характеризуют ее субъектную сторону. В нашей концепции это поля субъектов переводческой коммуникации – автора, переводчика, реципиента. Если соотнести эти две системы понятий, оказывается, что коммуникативно-прагматический компонент ближе всего к полю автора, который преобразует реальность в текст. Рефлексивный компонент логично сочетается с полем реципиента, где формируется рефлексивный смысл. Аксиологический компонент соотносим с полем переводчика, в сознании которого формируется гармоничное переводческое мировоззрение, что позволяет ему гармонизировать смыслы текстов оригинала и перевода, создавая текст, приемлемый в принимающей культуре.

Подчеркнем, что смысл текста перевода является результатом синергии смыслов всех полей, что можно обозначить как установление равновесных, гармоничных субъектно-объектных отношений и взаимодействий.

Важно отметить, что внутри переводческого пространства мы вычленим эксплицитные и имплицитные смыслы, а вне его, т. е. в рамках эпистемической ситуации мы можем проследить субъектно-объектные взаимодействия. Очевидно, что сам процесс перевода является сложным процессом, который одной своей стороной обращен к объективному, другой – к субъективному компонентам. Такое положение вещей свидетельствует, во-первых, о динамизме перевода, т.к. субъективные компоненты динамичны и подвижны: каждый переводчик по-своему понимает смысловую соразмерность и гармоничность, создает уникальный текст; каждый реципиент по-своему рефлексивует содержание текста перевода, будучи представителем определенной культуры. Во-вторых, переводчик опирается при переводе на такие объективные параметры как исходные, основные, уточняющие понятия. Его задача состоит в корректном вычленении этих понятий и такой трансляции смыслов, которая не нарушала бы исходную иерархию. В-третьих, переводчик выступает со-автором, со-творцом текста. Так, при переводе научного текста, он «переоткрывает» для читателя открытие, сделанное автором, изучая и используя авторскую аргументацию. При переводе художественного текста он «вживается» в образ автора, испытывая состояние эмпатии, при этом переводчик обращается к читателю другой культуры, который обладает другим пониманием мира, где субъектно-объектные отношения тоже иные. То, что составляет предметное содержание знания для читателя оригинала, т.е. является объективным, может оказаться непонятным, нереальным, не имеющим реального объективного воплощения. В связи с этим переводчик вносит свое субъективное осмысление этого содержания, что обуславливает смещение субъектно-объектного взаимодействия, преобразование его в новое качество. Так возникает другая реальность, другая объективность, нетождественная исходной, но соотносимая с ней, что приводит к порождению гармоничного перевода.

Как мы сейчас убедимся, именно динамика субъектно-объектных отношений в тексте перевода обуславливает его естественное вхождение в другую лингвокультуру. Обратимся к мудрым сказкам Л.Н. Толстого в оригинале и переводе на французский язык (Tolstoi) [12].

Проанализируем фрагменты сказки «Чем люди живы»:

1) *К осени собрались у сапожника деньжонки: три рубля бумажка лежала у бабы в сундуке, а еще пять рублей двадцать копеек было за мужиками в селе ...* – *Vers l'automne il avait ramassé*

quelque argent; et trois roubles se trouvaient dans le coffre de sa femme. On leur devait aussi cinq roubles et vingt copecks.

В данном случае переводчик опускает лексему «бумажка» («три рубля бумажка»), т.к. ее использование лишь затемнит истинный смысл, касающийся трехрублевой купюры.

2) *A то что же это? По двугривенному отдаает? Ну что на двугривенный сделаешь? Выпить – одно....- Quelle est cette façon de payer avec une pièce de vingt copecks? Que peut-on faire avec vingt copecks? On les boit au cabaret, voilà tout.*

В процитированном выше примере переводчик заменяет устаревшее название двадцатикопеечной монеты «двугривенный», что было бы непонятно не только современному французскому, но и русскому читателю. В данном случае возникает необходимость внутриязыкового перевода, поэтому переводчик совершенно справедливо выполняет лингвокультурную адаптацию.

3) *Снимай мерку! Сшил Семен бумажку в десять вершков, загладил, стал на колени, руку об фартук обтер хорошенько, чтобы барский чулок не попачкать, и стал мерить. - Prends la mesure. Semen cousit un papier de 45 centimètres, le tendit, se mit à genoux, s'essuya bien la main sur le tablier pour ne pas salir le bas du seigneur et commença à prendre les mesures.*

Как видим, переводчик и здесь заменяет старинную меру длины «десять вершков» на «45 centimètres» («45 сантиметров»), что также является способом лингвокультурной адаптации текста перевода. Способом же адаптации становится динамика субъектно-объектных взаимодействий при переводе.

Как показал анализ, в отдельных фрагментах переведенных фраз были найдены гармоничные переводческие решения, благодаря тому, что объективное предметное содержание текста оригинала переводчик переосмыслил, осуществив лингвокультурную адаптацию, придав тем самым тексту субъективное видение. В такой трактовке перевод становится понятным читателю. Устаревшие реалии могли бы стать предметом внутриязыкового перевода. Можно сказать, что при переводе имеет место динамика субъектно-объектных отношений, что обуславливает успешный, гармоничный перевод.

Вместе с тем, если мы проанализируем данные предложения в целом, или если мы проанализируем весь текст, мы констатируем, что живой, разговорный русский язык, на котором говорят герои Л.Н. Толстого, становится нейтрально-обезличенным литературным французским языком, далеким от намерений автора. Этот язык не принадлежит русскому мужику, не передает атмосферы его повседневной жизни, он лишь помогает пересказать события, которые с ним приключились. Поэтому, отмечая наличие отдельных гармоничных переводческих решений, о которых речь шла выше, мы признаем перевод адекватным или эквивалентным, но мы не можем назвать его гармоничным, отражающим все смыслы оригинала, которые выразил великий русский писатель.

Подводя итог, подчеркнем, что мы рассмотрели некоторые тенденции, наблюдающиеся при переводе, с опорой на концепцию переводческого пространства и эпистемической ситуации, в центре внимания которых – смысловая структура текста. Как известно, переводчик находится в постоянном поиске смыслов, имплицитных и эксплицитных, объективных и субъективных, динамика которых столь же естественна, как и сам процесс порождения и восприятия текста. Наше понимание данного процесса приблизит теоретиков и практиков перевода к созданию качественного переводного текста, к эффективному взаимопониманию автора и реципиента, к какой бы культуре они ни принадлежали.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баженова Е.А. Стилистико-речевая организация научного текста [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rastko.rs/cms/files/books/49c3d91369410>
2. Баженова Е.А. Научный текст в дискурсивно-стилистическом аспекте // Вестник Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. 2009. Вып. 5. С. 24-32.
3. Дрожанин Н.В. Синергетическая модель интеграции иконических единиц разных уровней. Диахрония. Тюмень, 2006. 256 с.
4. Котюрова М.П., Баженова Е.А. Культура научной речи: текст и его редактирование. Пермь, 2007. 282 с.
5. Котюрова М.П. Стилистика научной речи. Пермь, 2009. 363 с.
6. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность. М.: Гнозис, 2003 375 с.
7. Кушни́на Л.В. Динамика переводческого пространства: гештальт-синергетический подход: Монография. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2003. 232 с.
8. Кушни́на Л.В. Культурная парадигма перевода // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. Пермь, 2016. Вып. 20. С. 130-139.

9. Кушни́на Л.В. Современная эпистема перевода // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах. Материалы IX Международной научной конференции Челябинск, 18-20 апреля 2018 г. Т. 2. Челябинск: Изд-во Чел. гос. ун-та, 2018. С. 125–128.
10. Мурзин Л.Н. Полевая структура языка: фатическое поле (текст лекции) // Фатическое поле языка (памяти профессора Л.Н. Мурзина): межвуз. сб. научных трудов / под ред. Л.М. Алексеева. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1998. С. 9–14.
11. Налимов В.В. Облик науки. М., 2010. 368 с.
12. Progressez en russe grâce à Léon Tolstoï. Quatre contes populaires., édition bilingue, traduction française; Ely Halperine-Kaminsky, Editions Vasseur, Lambersart, 2016. 144 p.

Поступила в редакцию 19.07.2019

Кушни́на Людмила Вениаминовна, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода

E-mail: lkushnina@yandex.ru

Погорелая Нина Григорьевна, старший преподаватель кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода

E-mail: Npogorelaia@yandex.ru

ПНИПУ «Пермский национальный исследовательский политехнический университет»
614990, Россия, г. Пермь, Комсомольский проспект, 29

L.V. Kushnina, N.G. Pogorelaya

DYNAMICS OF SUBJECT-OBJECT INTERACTIONS IN THE TRANSLATION SPACE

DOI: 10.35634/2412-9534-2019-29-5-767-772

The article is based on two models of texts' semantic analysis: the synergetic model of translation named as "translation space" conception and the extralinguistic model of scientific text defined as epistemic situation. The short of the approach is that translator studies both objective, – textocentric, –and subjective, – subject oriented, – meanings of the text; their formation can be traced in the fields of the translation space. At that, subject-object interactions characterize also an epistemic situation that is formed by ontological, methodological and axiological features of source and target texts included in the orbit of the translation space. The result of dynamical interaction of all textual meanings and their synergy is a harmonious text of translation determining reciprocal understanding of the author and the recipient that belong to different lingo cultures.

Keywords: translation space, epistemic situation, meaning, harmonious translation, subject-object interactions.

REFERENCES

1. Bazhenova E.A. Stilistiko-rechevaya organizatsiya nauchnogo teksta [Stylistics and speech structure of scientific text] [Electronic resource] <http://www.rastko.rs/cms/files/books/49c3d91369410> (In Russian).
2. Bazhenova E.A. Nauchnyj tekst v diskursivno-stilisticheskom aspekte [Scientific text in discourse and stylistics aspects]. Vestnik Permskogo un-ta. Rossijskaya i zarubezhnaya filologiya. 2009. Iss. 5. Pp. 24-32. (In Russian).
3. Drozhashhikh N.V. Sinergeticheskaya model' integratsii ikonicheskikh edinit raznykh urovnej. Diakhroniya. [Synergetic model of iconic units integration of different levels]. Tyumen', 2006. 256 p. (In Russian).
4. Kotyurova M.P., Bazhenova E.A. Kul'tura nauchnoj rechi: tekst i ego redaktirovanie. [Culture of scientific speech: text and its editing]. Perm', 2007. 282 p. (In Russian).
5. Kotyurova M.P. Stilistika nauchnoj rechi. [Scientific speech stylistics]. Perm', 2009. 363p. (In Russian).
6. Krasnykh V.V. «Svoj» sredi «chuzhikh»: mif ili real'nost'. М.: Gnozis, 2003. 375 p. (In Russian).
7. Kushnina L.V. Dinamika perevodcheskogo prostranstva: geshtal'-sinergeticheskij podkhod: [Dynamics of translation space: gestalt-synergetic approach]. Perm': Izd-vo Perm. un-ta, 2003. 232 p. (In Russian).
8. Kushnina L.V. Kul'turnaya paradigma perevoda [Cultural paradigm of translation] // Stereotipnost' i tvorchestvo v tekste [Stereotypy and creativity in text]. Mezhevuz. sb. nauch. tr. Perm', 2016. Iss. 20. Pp. 130–139. (In Russian).
9. Kushnina L.V. Sovremennaya ehpistoema perevoda [Modern episteme of translation] // Slovo, vyskazyvanie, tekst v kognitivnom, pragmaticheskom i kul'turologicheskom aspektakh. Materialy IX Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii CHelyabinsk, 18-20 apr. 2018. Т 2. Chelyabinsk: Izd-vo Chel. gos. un-ta, 2018. Pp. 125–128. (In Russian).
10. Murzin L.N. Polevaya struktura yazyka: faticheskoe pole (tekst lekicii) [The held structure of language: phatic field (lecture script)]. Faticheskoe pole yazyka (pamyati professora L. N. Murzina) [Phatic field of the language (In memory of Prof. L.N. Murzin)]. Ed. by L.M. Alekseeva. Perm', Perm' University Publ., 1998. Pp. 9–14. (In Russian).

11. Nalimov V.V. Oblik nauki [Image of science]. M., 2010. 368 p. (In Russian).
12. Progressez en russe grâce à Léon Tolstoi. Quatre contes populaires. Edition bilingue, traduction française; Ely Halperine-Kaminsky, Editions Vasseur, Lambersart, 2016. 144 p. (In French).

Received 19.07.2019

Kushnina L.V., Doctor of Philology, Professor at Department of foreign languages, linguistics and translation

E-mail: lkushnina@yandex.ru

Pogorelaya N.G., Senior Teacher at Department of foreign languages, linguistics and translation

E-mail: Npogorelaia@yandex.ru

Perm National Research Polytechnic University

Komsomolskiy pr., 29, Perm, Russia, 614990